

Единство и раскол в наследии Хорхе Бергольо

Двенадцать лет назад мы рассматривали кризис, вызванный отречением Йозефа Ратцингера и избранием на папский престол Хорхе Марио Бергольо, как выбор в пользу *«просчитанного разрыва»*. Папу, олицетворявшего укоренённость церкви в западном мире – с его бременем кризиса секуляризации и социальными чертами поздней империалистической зрелости – сменил первый неевропейский понтифик современной эпохи. Задача заключалась в том, чтобы представить в новых балансах и формах церковной организации диалектику единства и плюрализма ряда крупных полюсов католицизма, открывая пространство для многообразия культур и социальных контекстов через *«здоровую децентрализацию»*.

Мы подчёркивали, что биография нового папы требует анализа в трёх измерениях: его опыт в Аргентине в качестве епископа Буэнос-Айреса, его роль в Латинской Америке в завершении фазы острого конфликта вокруг теологии освобождения, и, прежде всего, его знание сферы международных отношений, характерное для иезуитов.

То, что разрыв был *«просчитанный»*, следует также из того факта, что сам Ратцингер ещё задолго до этого размышлял о восстановлении плюралистической структуры первых веков христианства: разделение на *«приматы»*, *«патриархаты»* или *«большие автономные церкви»*, которые находились бы в диалектическом единстве с центром в Риме и его *«приматом апостола Петра»*. Это способствовало бы восстановлению единства с Православной церковью, а где церкви Европы, Америки, Азии и Африки могли бы развиваться с учётом разнообразия культур и местных социальных условий.

Двенадцать лет понтификата Бергольо подтвердили намеченные тогда направления. Диалектика вокруг *«здоровой децентрализации»* через практику епископских синодов, считается истинным наследием аргентинского папы. В 2018 году соглашение с Китаем о назначении епископов и воссоединение двух католических структур, действующих в стране, стало достижением векового масштаба – после многих неудач, восходящих ещё к миссии Маттео Риччи на рубеже XVI и XVII веков.

Отметим, что оба вопроса – диалектика взаимодействия римского центра и поместных церквей, а также присутствие в Азии – были одними из ключевых проблем, обозначившихся ещё в конце 1950-х годов и вынесенных на обсуждение Второго Ватиканского собора. Андреа Риккарди в книге *«Церковь и папство в современном мире»* говорит о вопросах преемственности между Пием XII и Иоанном XXIII: *«Церковь, достигшая пика своей всемирной экспансии, с множеством верующих, живущих в самых разных социально-политических условиях, требовала, пусть и будучи в замешательстве, более внятного осмысления форм своего присутствия, траектории которого все менее совпадали; нуждалась она и в более сложной и менее централизованной и упрощённой системы управления и внутреннего ориентирования»*. Среди главных поставленных тогда проблем – *«присутствие христианства среди огромных масс Азии, едва затронутых Римской церковью, за исключением нескольких стран»*. С окончанием колониального господства католическая церковь *«ещё больше сместилась бы на периферию социальной реальности»*; *«массы мусульман, буддистов, индуистов представляли собой целые миры, где не только не было христианства, но где миссионерская деятельность оказывалась, при проверке фактов, неэффективной или контрпродуктивной»*.

Эти вопросы стояли перед церковной организацией на протяжении шести-семи десятилетий и при шести папах, но они также претерпели изменения под влиянием неравномерного экономического и социального развития и кризиса, через который прошла церковь в 1960–1970-х годах. Второй Ватиканский собор стремился ответить на эрозию католического влияния и падение рекрутирования на секуляризованном Западе, пропитанном индивидуализмом новой городской жизни; *«католический тьермондизм»* пытался обратиться к массам и новым отрядам буржуазии, пробуждённым капиталистическим развитием в новых районах, но он также был дезориентирован этими ускоренными изменениями, и выражением этого стала *теология освобождения*.

Понтификаты Кароля Войтылы и Ратцингера пришлось на период окончания ялтинской системы и объединения Германии и Европы, причём польский папа сыграл активную роль на этом историческом рубеже: распад СССР и его зоны влияния позволил католической организации восстановить связи со своими форпостами в Восточной Европе.

В новом столетии *многополярная церковь* сталкивается с непростой задачей: представлять в качестве единственной по-настоящему глобальной организации правящего класса плюрализм экономических, политических и социальных условий, объединённых глобализацией, но расходящихся из-за неравномерного развития и конкуренции держав. Это *многополярная церковь в кризисе порядка*. Запад, который был её исторической колыбелью, охвачен *атлантическим упадком* и изменениями поздней империалистической зрелости; в новых регионах, к которым обратился соборный *тьермондизм*, – на *глобальном Юге*, как его сегодня называют, – возникли новые державы, которые в своём развитии испытывают трансформацию: врывается Китай, за ним следуют Индонезия, Индия и другие азиатские державы; Латинская Америка – «великая родина» для Бергольо – является силой среднего масштаба; Африка всё ещё сталкивается с массовыми процессами разложения крестьянства. Это «уравнение „плюрализма в единстве“», предсказанное в 2013 году, будет иметь «те же неизвестные величины, что и мировое противостояние, а также диалектика единства и раскола империалистической системы держав», поскольку этот «плюралистический процесс», в отличие от старой Европы и Северной Америки, будет определяться «континентальными державами, такими как Бразилия, Индия или Китай, которые в одиночку будут весить не меньше, чем весь Запад».

Неудивительно, что сегодня напряжённость вокруг вопроса о наследнике Бергольо раскалывает церковь именно по линии разлома между укоренением на Западе и в новых церквях, и что именно историческое соглашение с Пекином подвергается открытой критике со стороны внутренних течений – американских и европейских епископов, – сблизившихся с внешними силами из США – вплоть до прямого «запугивания», предпринятого в 2020 году госсекретарём США Майком Помпео чтобы воспрепятствовать продлению соглашения.

Тезис о «незавершённости» понтификата может быть использован в противоположных целях. По мнению критиков, Бергольо нарушил структуру курии, не сумев чётко определить роли и полномочия в рамках «здоровой децентрализации». В этой неразберихе вместо провозглашённой коллегиальности якобы утвердилось личное командование. С точки зрения сторонников Бергольо, «незавершённость» означает переломный момент в процессе, который должен быть доведён до конца, начиная с необратимого перехода к *синодальному принципу* – возможно, с учётом необходимости исправить очевидные диспропорции в представленности ключевых сил, укоренённых на Западе. Риккарди также предлагает ввести «постоянный синодальный орган, своего рода малый совет Папы».

Англосаксонская пресса повторяет обвинения Бергольо в том, что тот был «популистским папой», или даже «папой-перонистом». Об этом пишет *Financial Times*, ссылаясь на споры в Аргентине; *Wall Street Journal* иронизирует: «Он был защитником бедных, поддерживая при этом идеи, которые увековечивали их бедность». *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, упоминая критические тезисы о «иезуитском популизме», расширяет размышления до социальной доктрины католичества, но, возможно, недостаточно, ограничиваясь лишь немецкими дебатами. Если бы издание обратилось к энциклике «*Rerum Novarum*» Льва XIII и некоторым последующим событиям первой половины двадцатого века, то оно бы увидело, что идеи «*третьего пути*» между капитализмом и социализмом постоянно присутствовали в социальной доктрине церкви – и объясняются отнюдь не только южноамериканской спецификой.

Мы считаем, что этой критической линии, замкнувшейся в рамках либерального схематизма, недостаёт диалектического понимания того, как формально антикапиталистические идеологии и риторика могут являться выражением капиталистического восхождения в новых регионах. Вспоминается мастерский ленинский анализ популизма Сунь Ятсена, исторического отца республиканского национализма в Китае, который, излагая теорию «мелкобуржуазного „социалиста“-реакционера» о том, что можно «предупредить» капитализм», туманно говорил о том, что будет «много Шанхаев»¹ китайского промышленного развития. Вспомните все варианты *тьермондизма*: в популистской мифологии они выражали как отпечаток крестьянских преобразований, сопровождающих капиталистический взлёт, так и оппозицию новых отрядов буржуазии капиталу колониальных держав или *империализму янки*. Даже социально-национальная двусмысленность «*третьего пути*» – которая в Европе принимала формы плановой экономики, этатизма и корпоративизма 1930–1940-х годов – в мире антиколониальных

революций отражала закономерную роль *государственного капитализма* как трамплина для взлёта новых регионов.

Таким образом, именно в международной перспективе папы-иезуита растворяется кажущееся противоречие между его аргентинским и южноамериканским опытом и стремлением видеть в нём модель и опору для многополярной церкви; из Южного конуса – региона, который можно считать также *крайним Западом* – можно обратиться ко всем восходящим державам. Неслучайно это признают и в Азии. Японская “Ёмиури симбун” отмечает, что «как *первый южноамериканский папа*», Бергольо уделяет внимание развивающимся странам, как азиатским, так и африканским. *Jakarta Post* называет его «человеком из народа», соответствующим индонезийским «*национальным принципам*», и отметила, что для своего визита на архипелаг он хотел использовать автомобиль Toyota Innova местного производства.

Наконец, хотя церкви и суждено пройти через диалектику *единства и раскола* империализма, верно также и то, что для «*католического интернационала*» это было скорее травматичным фоном, а не разрушительным противоречием. В новейшей истории так было и во времена буржуазного господства. Примату Рима пришлось пережить ампутации в виде англиканского раскола и протестантской Реформации, но он устоял перед центробежными силами, порождёнными появлением современных государств: от галликанства французской монархии и имперских прерогатив Испании до юзефенизма в габсбургской Австрии и американизма восходящих Соединённых Штатов. Это прецеденты сегодняшних соглашений с Китаем.

Более того: в войнах империализма XX века «*католический интернационал*» смог распределить свои функции между интервенционизмом национальных епископатов и нейтрализмом римского центра. Поразительно, что осенью 2018 года в одном и том же номере *La Civiltà Cattolica* праздничные публикации, посвящённые китайско-ватиканскому соглашению, перемежались с эссе о вкладе католиков и иерархии в «*нацию на войне*» 1917 года.

Послание Пекину было предельно ясным: *многополярная церковь* действительно стремится к единству, но в своём реализме она также знает, как переступить через противоречивые интересы держав.

Здесь кроется коренное отличие от пролетарского интернационализма: только классовое единство является для него жизненным принципом. Трижды коммунистический интернационал терпел поражение из-за того, что ядро его пролетарской базы оказывалось захваченным особыми интересами собственной буржуазии. Первый Интернационал стал свидетелем отступления английского тред-юнионизма, напуганного Парижской коммуной; Второй – отречения немецкой социал-демократии в 1914 году; Третий был уничтожен в своей большевистской крепости сталинской контрреволюцией, в которой государственный капитализм сочетался с великорусским национализмом.

Коммунистический интернационал должен быть восстановлен. *Католический интернационал*, в отличие от него, отрицает классовый принцип для пролетариата, и его риторика *межклассового популизма* служит иным задачам – и он смог пройти через столетия и пережить XX век империализма, потому что приспособился к правящим классам.

Апрель 2025 г.

¹ - Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 21. С. 404.